

Большое искусство Нерсисяна

К 75-летию со дня рождения

ЭТО БЫЛ большой артист нашего времени. Он ушел, но в душе зрителя еще жив его светлый образ. Сорок лет служил армянскому театру Грация Нерсисян, создав десятки образов для сцены и для экрана. Заслуги его в истории советского армянского театра неопределимы.

Глубокий, гибкий, богатый нюансами голос, способный передать беспредельную симфонию души человеческой, обаятельная сценическая внешность, характерный рисунок черт, широкий лоб и глаза, вполне оправдывавшие его имя Грация, то есть огненные очи, — таким он остался в памяти всех, кто имел счастье видеть на сцене и в жизни этого незабвенного мастера.

В высшей степени скромный, этот человек и как личность и как мастер сцены был чужд всему показному. К высотам, которых другие достигали величайшим напряжением сил, Нерсисян приходил легко и спокойно. Он не учился в академиях, но, обогащенный жизненным опытом, был культурным и развитым артистом, знал несколько европейских и восточных языков, читал в оригинале Эсхила, Шекспира, Мольера, Шиллера и Толстого.

Без интуиции нет и не может быть художественного твор-

чества. Грация Нерсисян был в этом смысле исключительно одаренной личностью, наделенной таким мощным внутренним голосом, благодаря которому он был и остался артистом переживаний.

Он чутко прислушивался к своему внутреннему голосу. Его руководящим принципом было жить на сцене так, чтобы увлечь зрителя, заставить его переживать вместе с ним, убедить самого себя, а затем объять своим огнем весь зал. Вся его сценическая жизнь была подчинена этому принципу. Благодаря этому он целых сорок лет владел сердцами и мыслями так любимой его театральной общественности.

Нерсисян был трагиком и комиком в классическом смысле этих понятий. Но чрезвычайно трудно решить, кто в нем преобладал. И в том и в другом случае он был выдающимся актером. В галерее образов, составляющих славу Нерсисяна, наряду с Гамлетом, Макбетом, Лиром, Протасовым, стояли на равных правах Фальстаф, Багдасар и Абисогом-ага.

Эти и другие созданные им образы вошли в золотой фонд летописи советского армянского театра. Этой своей двойственностью Нерсисян опроверг мнение некоторых, будто армянин способен выражать лишь трагизм. Тяжелой была историческая судьба нашего народа, но он презил о светлом будущем, пережив бесчисленные мрачные дни и ночи, и, достигнув осуществления своей мечты, восторгался и смеялся от всей души.

Грация Нерсисян выражал дух народа своим замечательным творчеством. Это порой придавало его работе романтический, поэтический характер. Слово Грация было непосредственным и искренним, заразительным и возвышающим. Он платил зрителю лишь звонкой золотой монетой, не страшась, что сокровища иссякнут и не

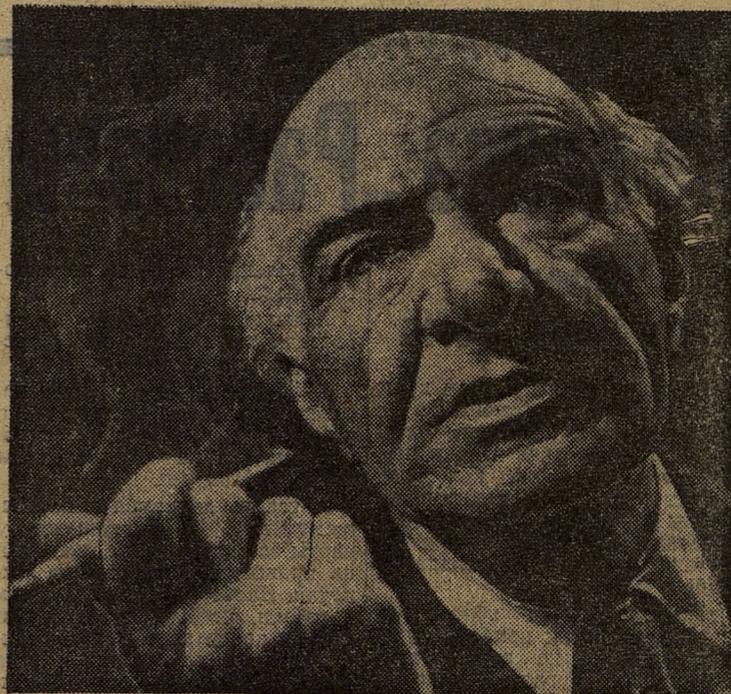
зная даже размеров своего богатства.

Современная театроведческая мысль любит по тому или иному поводу указывать на пристрастие артиста. Искусство Нерсисяна было отрицанием этой упрощенной формулы. Подлинная сущность искусства артиста — представить на сцене человека во всем его величии и красоте, со всем его внутренним и внешним миром, наконец, со всеми присущими ему слабостями. И артист прежде всего должен быть знатоком человеческого сердца и его души. Грация Нерсисян был человеком, пренеполненным беспредельной любви к человеку и глубокой веры в его будущее. Это был художник-гуманист.

Широко и многогранно было творчество Г. Нерсисяна. Его таланту была доступна любая драматургия — от древних веков до наших дней.

Сказать, что искусство Нерсисяна было безупречно, было бы неверно, ибо совершенство и безупречность вне рамок отпущенных смертному человеку. В его творчестве при тщательном рассмотрении можно заметить и недочеты, относящиеся к его ремеслу, но дух его был могуч и чарующ. И трудно не поддаться его обаянию, его силе. Душа Нерсисяна царил на сцене, и в этом было его совершенство. Властителем сердец осталась его душа и в кино. Созданные им два десятка образов вечно будут сиять в истории советского армянского киноискусства. Если бы он имел возможность стоять перед крупными кинокамерами мира, он пользовался бы всемирной славой.

Последней работой Нерсисяна был сценический образ Мак-Грегора в пьесе «Мое сердце в горах» Вильяма Сарояна. Этот образ явился своеобразным символом, как бы общим итогом артистической деятельности Г. Нерсисяна, его вдохновенного творчества.

Все творчество Грация Нерсисяна было великолепной симфонией, которую он так и не успел завершить. Труба Мак-Грегора, которая недолго звучала в устах артиста, будет зву-

чать и в грядущем, доносить до слуха внимлющих имя великого артиста — Грация Нерсисяна.

Геворг АБАДЖЯН,
кандидат филологических наук.